

Светлана Балуевская

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРИЧИТАНИЙ В НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ СУХОНЫ

Бассейн среднего течения реки Сухоны охватывает восточную часть Вологодской области: Тотемский, Бабушкинский, Тарногский, Нюксенский районы. Эта зона определяется современными исследователями как «одна из ключевых территорий, где опознавательные признаки вологодских фольклорных традиций проявляются во всей своей полноте и характерности» [7, I-1, 13].

Народная музыкальная культура среднесухонского ареала является объектом внимания собирателей с конца XIX века. В 1893 году по заданию Песенной комиссии Императорского Русского географического общества Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов записывают народные песни в трех северных губерниях, в том числе Вологодской. Итогом поездки становится издание сборника «Песни русского народа», включающего, среди прочих, наиболее значимые по мнению составителей образцы фольклора Средней Сухоны [9].

Экспедиционная деятельность заметно активизируется во второй половине XX века. В 1967–1976 годах работу по сбору фольклорно-этнографических сведений в восточных районах Вологодской области осуществляют представители Государственного музыкально-педагогического института им. Гнесиных (ныне – Российская академия музыки им. Гнесиных). Зафиксированные материалы по плачевой культуре междуречья Сухоны и Юга и верховьев Кокшеньги составляют основу текстологического исследования Б. Б. Ефименковой «Севернорусская причеть» [4].

Балуевская Светлана Владимировна — старший преподаватель кафедры пения и музыкального образования Вологодского государственного педагогического университета

В это же время (1970–1975) территории Тотемского, Тарногского и Нюксенского районов обследуются коллективом преподавателей и студентов Ленинградской (ныне – Санкт-Петербургской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. По следам экспедиций издается сборник «Народные песни Вологодской области. Песни средней Сухоны», составитель – А. М. Мехнечев [8].

С 1981 года и по настоящее время планомерную деятельность по фиксации фольклорно-этнографических материалов Вологодского края осуществляет Центр традиционной народной культуры (ранее – Лаборатория народного музыкального творчества) Вологодского государственного педагогического университета (научный руководитель – канд. иск., заслуженный работник культуры РФ Г. П. Парадовская). В районы Средней Сухоны состоялось свыше 30 экспедиционных выездов, организованных Педагогическим университетом. Полевые исследования 1987 и 1989 годов проводились совместно с Ленинградской государственной консерваторией (научный руководитель – канд. иск., профессор, заслуженный деятель искусств России А. М. Мехнечев). Результаты деятельности нашли воплощение в коллективном документальном издании «Народная традиционная культура Вологодской области. Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны» [7].

В названных выше публикациях содержатся материалы, отражающие жанровую, диалектную и историко-стилевую специфику музыкальных явлений среднесухонской традиции. Тем не менее, актуальность комплексного изучения художественных форм в системе обрядов семейно-бытового цикла данной локальной зоны сохраняется и на сегодняшний день.

В настоящей статье рассматриваются функции похоронно-поминальных притчаний в традиции Средней Сухоны на материале фольклорных экспедиций Вологодского государственного педагогического университета в Нюксенский район Вологодской области¹.

Причтания, являясь одним из значимых жанров фольклора Вологодчины, занимают ведущее место в обрядах, направленных на отчуждение представителя родового коллектива и общины, обусловленное его переходом в иной статус. В притетной сфере похоронно-поминального комплекса воплощаются устойчивые представления о жизни и смерти, об умерших, о нормах и правилах взаимодействия с ними.

Похоронно-поминальные притчания на художественно-функциональном уровне маркируют значимость каждого момента в системе обрядности. Как отмечает А. М. Мехнечев, «в текстах притчаний складывается идеальная (вображеная) форма происходящего, устанавливаются, подтверждаются нормы обязательных взаимных отношений мира живых и душ усопших» [6, 103].

В похоронном обряде среднесухонской традиции притчания исполняются:

- после обмывания, обряжения и укладывания покойного;
- в период пребывания его в доме (в том числе во время посещения умершего родственниками и представителями деревенской общины);
- в ритуалах похоронного дня (при укладывании тела умершего в гроб, прощании в доме, выносе гроба, по дороге на кладбище, при прощании и захоронении).

¹ О бытованиях притчаний в системе похоронно-поминальной обрядности среднесухонской традиции см. также в: [1; 2].

Поминальные причитания функционируют как в дни собственно поминок усопшего (третий, девятый, двадцатый, сороковой, годовщина смерти), так и в общие календарные поминки (родительские субботы, престольные праздники и др.)². Особенностью среднесухонской традиции является обычай причитать при поминовении на следующий день после похорон, когда умершему «завтрак / обед носят»: «Вот обед носят назавтре, вот тóжé причитают. С обедом-то как придут, дак и причитают» (Востровский, Леваш, 1842–15)³. Также принято причитать во время посещения кладбища после еженедельной воскресной церковной службы: «Раньше как из цéркви выйдут (было у нас, этот, не так далёко клáдбишшё-то), а как выйдут, дак на всех-то могилах прицитáют, на всех!» (Нюксенница, 2433–18).

Однако бытует запрет на причитание в Радоницу («Рáдовальницу», «Рáдовницу», «Рáдованицу»), так как, согласно народным верованиям, в этот праздник покойники «радуются»: «И вот теперь в Рáдовальнице хожу одна, хожу на могилюку, некоудá не прицитáю – не велят прицитáть. Вот, эво, говорят, не надо прицитáть – это (й)ихний праздник, дак прицитáть не на́дэ, у (й)их праздник тамокá дак» (Востровский, Леваш, 1842–14).

Кладбище в среднесухонской традиции именуется «бúево» («святое бúево», «широ́коё бúево»)⁴ и определяется народными исполнителями как место пребывания умерших. Из воспоминаний Паневой Великоницы Васильевны, 1925 года рождения, уроженки деревни Сергиевская Раменского сельсовета Тарногского района Вологодской области: «У нас прошлый год написé мне-ка бúдёт сват и остался [на кладбище]. В оди́ннацать-то часов, двенадцатой-от стал час, евó из клáдбища-то (он написé, да там спит), дак евó гонить: “Ты не наш, убирайсе! Ты не наш, убирайсе!” <...> Явился покойники, евó погонили: “Убирайсе! Это не твоё место – убирайсе, убирайсе домой! Это на́шё место!” Дак он на второй день ходил за шапкой-то (без шапки убежал)» (Брусноволовский, Низовки, 2018–16).

Народные представления о принадлежности кладбища умершим находят яркое выражение в причетных текстах. Например, приближаясь к кладбищу, участники похоронной процессии обращаются к ранее умершим родственникам с просьбой встретить вновь прибывшего покойного:

«Когда везут, дак ма́л’о⁵ ли там хто похоронен (там или брат, или тáмо свёкор, или свекровь), дак вот и прицитáют:

“Ты встре́цáй-ко, су-мамушка ли, папонька ли,
Свою невéстоныку (ли хто, ковó ли, брата ли)... <...>
Ты встре́цáй-ко, су-мамушка,
К тебе едет в товáриши,
К тебе едет своя рóдная (там сестра или брат, или хто там)»
(Брусенский, Монастыриха, 429–27, 29).

² Подробнее о поминальных причитаниях рассматриваемой традиции см.: [1, 23–26].

³ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации на территории Нюксенского района Вологодской области (сельский совет, деревня), а также номер единицы хранения по аудиофонду фольклорно-этнографических материалов Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. Все диалектные расшифровки выполнены автором статьи.

⁴ «Бúево» – «погост, место, где стоит цéрковь (обычно на возвышенности), место внутри ограды цéрковной; кладбище, могилки, могильник». См. слово «буйный» в [3, I, 138].

⁵ Вертикальный штрих возле буквы «л» обозначает более мягкое произношение, близкое тому, что существует в ряде западноевропейских языков.

При опускании гроба в могилу к покойному обращаются с просьбой передать «челобитье великое» умершим родителям:

«Ой, да передай-ко ты, ладушка,
Ты целобитьё великоё
Моёй родимой-то мамушке,
Да моёй бого达尔ной-то матушке»

(Нюксеница, 1321–28);

«Ой, тош(и)нёшенько, да ты скажи-ко там(ы), сестрица,
Ой, тош(и)нёшенько, да ты родимой-то мамушке,
Ой, тош(и)нёшенько, да про моё-то житьё-бытьё»

(Брусенский, Брусенец, 413–01);

«Наказывал’а своему сыну, што:
“Передай-ко там, Вол’бденька (Вол’бдей звали),
Моему сердечному дитятку
Как я живу здесь, скитаюсь...”»

(Брусенский, Монастыриха, 429–34).

При поминовении («когда вот я иду поминать и дома поминаю») передают поклоны «честным родителям» не только в причетной, но и в прозаической форме: «Ну, давай, передавай поклоньщик там всем, всем цёсным родителям!» (Уфтугский, Ивановская, 2256–20).

Любое адресное исполнение причитаний воспринимается как акт взаимодействия с представителями «иного» мира. Обращаться к умершим — значит «трясти их», то есть тревожить: «А вот уж после обеда не надо (й)их трести, не надо поминать, поминают только до обеда» (Востровский, Леваш, 1834–25). Так, причитая по просьбе участников экспедиции, исполнительница проговорила: «тряхнú мужика-то» — и обратилась к нему в причете:

«Ой, да ты оставил...
Михайлушко да зётюшко,
Ой, да ты на мýку, на маёту,
Ой, да ты свою-ту невестушку...»

(Востровский, Копылово, 1400–24).

В среде деревенских жителей бытует мнение, что если умерших потревожить не вовремя, им «тяжело там [на том свете] будет» (Нюксеница, 1373–19), поэтому, причитая в неподложенное время, высказывают опасения: «Ой, наворожим ишшо покойника-то» (Бобровский, Бобровское, 1838–20).

Таким образом, в традиции строго регламентируется место и время художественно-обрядовой коммуникации с усопшими. Причитания при этом выполняют значимые ритуально-магические, обрядово-коммуникативные, регулятивные, апотропейские и другие функции.

Исполнителями причитаний Средней Сухоны являются женщины — родственницы, знакомые, а также приглашенные причитальщицы. Родные и близкие (мать, жена, сестра, дочь, крестная, тетка и др.) обращаются к умершему сообразно степени близости семейно-родовых отношений: «родимой мой бáтюшко» / «моя родимая мамушка»; «родимой мой бáтёлко / «родимая ты моя сестрица», «двоюродная сестрица»; «моя милая ладушка», «моё сердечко-дитятко»,

«мой желанной-от зётюшко», «любима племённица», «моя сношенька», «моя сва́тышушка» и т. п.

Знакомые и соседи, представители общины, прощааясь с покойным, также причитают [1, 19]. При этом к покойному обращаются в соответствии с установленившимися в общине отношениями: «любая подруженка», «блíжная моя сусéдушка» и др.

В среднесухонской традиции бытует мнение, что причитать по умершему надо «умеючи», «складно», в связи с чем для такого ответственного дела специально могли приглашать опытных причитальщиц: «Ну, плакать-то пла-кала, но причитать я не причитала, потому что причитать надо тóжé умíючи. А людям на страм — это тóжé худо, это тóжé худо. Причитать надо складно ведь. Складно! <...> Вишь, она причитает не тóко сама по своему горю, а просто вот, кто пóмер, её попросят. Вот она ходит, её просят, она и всё причитает. Вот уж она всё выскажёт. <...> Да вот опять уже я за Симку. Уж кто лучше Симки причитай, не знаю, Александра, не знаю, она всем на ужас, всем на зáвидос[ть]» (Бобровский, Бобровское, 1839–05).

Традиционным для похоронно-поминальной обрядности Средней Сухоны является одновременное исполнение причитаний несколькими причитальщицами, при этом каждая участница «высказывает своё горе». Максимальную акустическую насыщенность звуковое поле получает в кульминационные моменты обряда — вынос гроба, путь на кладбище, погребение: «Из избы-то как стали выносить-то, как сильно-сильно причитали! Все уж тут хто цéвó — все ревили, уж сильно причитали. А потом вынесли, как вот до сáмово клáдбища, я всё проревéла, всё пропричитáла — всё, всё, всё! И тётка причитáла, и я причитáла до сáмово клáдбища» (Бобровский, Бобровское, 465–12); «Старухи-те ведь причитали и в три, да и в чéтыре голоса — хто цéвó мóжёт сказать, а тут не розберёшь» (Бруслоновский, Кокуево, 454–09); «Когда везут дак, конечно, уж тут-то все, все ревят — тут все, все-все, все-все! И каждый своё, каждый свой, каждый своё горё выклáдывают» (Нюксеница, 472–22).

При поминовении на кладбище также могли одновременно причитать несколько человек: «Мы пришли на клáдбишшё-то, да со свекровкой, да свекровка с ту сторону на крёст, а я с другую сторону, дак и заревели. Взóхал'а да заревéла, да и заревéла, сáмо по себе оно тут насобираётце цéвó ревить-то в горе-то» (Уфтиюгский, Кокшенская, 1422–32). Асинхронное множественное исполнение причитаний (всеобщий плач) на кладбище представляет собой акт создания единого коллективного звукового ритуально-коммуникативного поля (общинной художественной коммуникации с умершими) на всем обрядовом пространстве.

При этом деревенские жители указывают на персональный характер выражения «своего горя» в причитании: «Ведь кáжной своё горё выплáкывает. Одновó ведь причитанья нет, это не песня, что вот какую знáешь, дак споёшь. Причитанье у всех разноё. <...> Так что я вот так пела, а вот Катя тот раз причитала совсем дру́гомя, у её своё горё, она свои слова. Это же не песня» (Уфтиюгский, Ивановская, 2256–06). «А вот просто своё горе, свою пíсьню выклáдывают: тут как живёшь, и всё вот, как за ей ухáживал'а, как цéвó былó раныше — это всё-всё выскажёшь, это знáешь, всё так цéвó» (Бобровский, Бобровское, 465–12). «Напоминает-то ведь у кáждово своё горё, дак он своё выклáдывает. А тут уж и не то что уж одно и тóжé, у кáждово своё горе» (Нюксеница, 1373–17).

Следует выделить психотерапевтическую функцию причитаний — народные исполнители отмечают улучшение состояния после «высказывания своего

горя»: «Это горё своё выскáзывают, причитают и выскáзывают своё горё. Вот, ну. И как-то попрочитáют, дак как рóвно легче станóвитца» (Нюксеница, 2024–05). «Так што вот жалеешь, дак просто легче душе, как ты выскажёшь это всё ему. Это уж из веков это вот причёты-те бывают» (Востровский, Леваш, 1841–29).

В необходимости посредством причитаний разжалобить («росклевить»⁶) всех присутствующих и тем самым вызвать всеобщий плач по умершему выражается значимая социально-обрядовая функция: «Я стáл'a прицитáть-то, матка-то и е села ко мне тут, дак я прицитáю, да говорю:

“Твои мýл'ые-те невестушки,
Дак онé быótце, онé убиваютце,
Да онé слёзám умывáютце...”

А онé там слёзám умывáютце, пекут шаньги. Лиза-та (Лизой-то, нашто, маткуто и зовут Тамары-то) пришл'a да говорит: “Васильёвна, — говорит, — будёт ревítъ, девок-то, — говорит, — росклевил'a”» (Уфтиюгский, Лесютино, 445–02). «А потому што, если заприцитáют, дак все ревут. Слóвá-те выговаривают, дак все ревут. <...> Как тóко заревít, так все заревут, все слезám умывáютца. Это просто так, што как-то все, што все жалíют вроде её все» (Востровский, Вострое, 1638–24).

По народным представлениям, причитание вызывает единое обрядовое со-стояние у всех присутствующих, при котором слезы «передаются» от одного человека к другому: «А кабы одна заревéл'a, которая заприцитáл'a, дак у всех слёзы покати́лися. Онé просто слёзы-те передаётца к другому-ту цёл'овéку, думает ведь: “И до меня до этого дойдёт”. Понимаете ведь это, скажет: “И до меня до этого дойдёт — ой, я об ёй реву!” Дак вот другово-то и вызываёт этем. Она, раз заприцитáли, дак у её слёзы-те бежат уж, эвоно, сами, тем говорит ведь: “До меня дойдёт ведь это скоро. Обо мне заревут ли, нет?!” У меня и говорит: “Ой, девка, девка! Я умру, дак ты и может и не поприцитáэшь?” — “Мама, поприцитáю!” А как заприцитáэшь, дак и все и заревут. И правда ведь: больше уж она пошл'a и не вернётца! Потом больше как-то у цёл'овéка-то цёл'овéка-те бывают, што цёл'овéк-от пошёу на тот свет, цёпешь, больше евó не будёт, и не увидишь, и сó[л]нцё не согрýёт, вот, тóко земля будёт грить, а больше никто» (Востровский, Вострое, 1638–28).

Причитание и всеобщий плач на похоронах является признаком правильного, нормативного проведения обряда: «Как она заприцитáёт, тóко бы одна гунула — все в слёзы. <...> Да все как в голос, вся-та деревня как заревéли дак. <...> Это хорошо, коудá поревут. А вот так это: “Ой, да у её нехтó не ревйт!” — это плохо. “Нехтó, — говорят, — и не прослези́йусе”. А это што, вот так помóршатьце, поревут? Это не рёв, это на́дэ с прицётом» (Бобровский, Бобровское, 1839–05).

Все сольные причитания в кульминационные моменты обрядности сопровождаются особой ритуальной формой поведения (падение ничком), определяемой в среднесухонской традиции как «хлестание», «хлóпанье»⁷: «Вот я и заприцитáл'a, ты знаешь, пришл'a да и хлóпнула'sь» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632–05); «А это всё я ходíл'a на могíл'u цёл'ой год. Эвот этта и могíл'a-та у цéркви. Вот. А у нас шес[т]ь километров до нашёй-то деревни. Я вот всё хлестáл'ась и всё и прицитáл'a цёл'ой год» (Городищенский, Городищна,

⁶ «Росклевить» — «расстроить до слез». «Клевить» — «дразнить до слез». См. слово «клевить» в: [3, II, 115].

⁷ Подробнее об этом см.: [1, 27–28].

418–06). «Вот как тόжо две сестры хл'опалисе, да онé и в ростяжку-то эдак, не на коленки, а в ростяжку-ту хл'опнутце вдоль-ту по пол'у — прицитали-то. Ой, мы едва их пódнели!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632–06).

Таким образом, на акционально-изобразительном уровне утверждаются нормы почтительного отношения к умершим, чье покровительство необходимо для обеспечения последующего благополучия живых.

Обрядовые формы плача в народной терминологии Средней Сухоны определяются как «причитание» и «рёв», встречаются номинации «выть» и «муря́вкать» [1, 31]. Напев похоронно-поминальных причитаний местные жители именуют «мотивом» или «голосом»: «покойничный голос» (Нюксеница, 472–21); «голос слезайвой» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642–02); «жáл'обный» голос (Бобровский, Бобровское, 1839–05); «небаскóй голос» (Востровский, Вострое, 1638–33); «страшной мотив» (Бобровский, Бобровское, 1838–20). По убеждениям народных исполнителей, причитать надо «пылко», «громко», «во всю голову».

Значимым структурно-семантическим элементом причетных форм является возглас, который определяется современными исследователями «как коммуникативное явление, рассчитанное на непосредственное восприятие и реакцию окружающих и выполняющее функцию магического воздействия с целью достижения желаемого результата» [5, 315]. В среднесухонской традиции возглас имеет стабильное начальное местоположение в структуре мелостроки похоронно-поминальных причитаний и представлен следующими разновидностями: однослоговой («Ой!»), двуслоговой («Ой, да!» или «Да ой!»), пятислоговой («Охти, мнеценьки!», «Ой, тошнёшенько»).

1

Поминальный причет⁸

Ой. ты. мой ро - ди - мой ты. бра - тсл - ко.

Ой. да рос - ска - жи - ко мнс. бра - тсл - ко.

Ой. те ка - ко - во об - на - цё - ва - лось.

⁸ Материалы архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. № ЭАФ 1642–02. Исп.: Коптяева О. Д., 1919 г. р., родом из д. Большая Сельменьга. Запись в д. Малая Сельменьга Дмитриевского сельсовета Нюксенского района Вологодской области, 17.03.1998. Зап.: Парадовская Г. П., Комягина О. Н. Нотация: Брагина М. С.

2

Ой, тошнё... шенько, ты, си - за - я го - лу - буш - ка.

Ой, тош - нё - шень - ко, ты, ро - ди - ма - я ма - муш - ка.

Ой, тош - нё - шень - ко, ты ку - да на - ре - ди - ла - се?

Ой, тош - нё - шень - ко, во ко - то - ру - ю сто - ро - ну?

Ой, тош - нё - шень - ко, ты ос - та - ви - ла, ма - муш - ка.

Ой, тош - нё - шень - ко, ты се - (р)и - деч - ных - то ди - тя - ток.

Семантическое значение пятисложного возгласа «ой, тошнёшенько» раскрывается исполнителями следующим образом: «Вот это такие прицёты таким мотивом, а всё приговаривают “тошнёшенько”. Это тошнёшенько — тоска. Тоска. Сына похоронит, дак ведь матери не весёльё, а тоска, дак “тошнёшенько” прицитáют» (Нюксеница, 2024-04).

⁹ Материалы архива Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. № ЭАФ 472-21. Исп.: Шушкова П. П., 1914 г. р., родом из д. Порошин Двор Юшковского сельсовета. Запись в с. Нюксеница Нюксенского района Вологодской области, 18.07.1988. Зап.: Парадовская Г. П., Кулев А. В., Шалашов А. В. Нотация: Парадовская И. В.

По народным представлениям, причитать живых «заставляет» незримое присутствие умерших в обрядовой ситуации: «Это покойники, вот пока онे уж чувствуют, дак онé и заставляют, штобы попричитали о них» (Нюксеница, 1373–19); «онé пока тут, дак онé слышат, слышат онé» (Востровский, Леваш, 1841–29); «ужё я умру, дак послушаю, как обо мне заприцитáют» (Нюксеница, 1376–29).

В среде деревенских жителей бытует поговорка: «Покойник не говорит, а у ворот стоит» (Бобровский, Матвеево, 1413–20), а значит, требует художественно-обрядовой коммуникации. Необходимость поминовения умерших представлена в следующих высказываниях народных исполнителей: «[вопрос: «А зачем поминать надо?»] – На душе будёт полёгце, да и всё. Онé – не поменёшь, онé как вроде ждут, во сне станут приснитьце, вот уж онé уж перед этим как во сне уж станут» (Бобровский, Бобровское, 1839–10); «Если уж силы нет(ы) сходить на клáдбишшё, дак хоть дома да помяни – это уж положено, Господом Богом придано, и покойником тóже самое» (Бобровский, Матвеево, 1413–20).

В целом, плачевая традиция на территории Средней Сухоны в контексте свадебной и рекрутской обрядности в наши дни практически утратила бытование, однако причитания в системе похоронно-поминального комплекса сохраняют свое функциональное значение, в связи с устойчивостью представлений о нормах и правилах взаимных отношений мира живых с миром умерших.

*Статья выполнена в рамках гранта
«Федеральная целевая программа
“Научные и научно-педагогические кадры
инновационной России” на 2009–2013 годы»,
номер лота 2012-1.2.2-12-000-3004-4292.*

Использованная литература

1. *Балуевская С. В. Похоронно-поминальные причитания в уфтигской традиции Нюксенского района Вологодской области // Отечественная этномузикология: история науки, методы исследования, перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербургская гос. консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 30 сентября—3 октября 2010 г.). СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. Т. II. С. 18–36.*
2. *Балуевская С. В. «Свое» и «иное» в похоронно-поминальных причитаниях Нюксенского района Вологодской области // Рябининские чтения—2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 213–216.*
3. *Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык., 1998. 700, 780, 556, 684 с.*
4. *Ефименкова Б. Б. Северорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М.: Советский композитор, 1980. 392 с., нот.*
5. *Королькова И. В. Возглас в причитаниях: структурный и семантический аспекты // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Материалы международной научной конференции. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 315–320.*
6. *Мехнечев А. М. Традиционные формы похоронно-поминальной обрядности (поминальные, «урочные» дни)— по результатам экспедиций 1999–2000 г. в Вологодскую и Смоленскую области // Традиционная народная культура и современность. Материалы научно-практической конференции (с. Нюксеница, 5 октября 2003 г.). Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2004. С. 96–106.*
7. *Народная традиционная культура Вологодской области. Т. I: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / сост., науч. ред. А. М. Мехнечев; Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. 416 с., ил., нот. Ч. 2: Народные верования, сказки, необрядовый фольклор / сост., науч. ред. Г. В. Лобкова. Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2009. 286 с., ил., нот.*
8. *Народные песни Вологодской области (по материалам студенческих фольклорных экспедиций). Песни средней Сухоны / сост. А. М. Мехнечев. Л.: Советский композитор, 1981. 135 с.: нот.*
9. *Песни русского народа: Собранны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. / записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб: Изд. Русского географического общества, 1899. XIX, 279 с.: нот.*